В. В. Файер

К ВОПРОСУ О РОЛИ ЭЛИЗИИ В АЛЕКСАНДРИЙСКОЙ ТЕКСТОЛОГИИ

1. Работа александрийских филологов над текстами гомеровских поэм – одна из самых исследованных и, одновременно, дискуссионных тем классической филологии. В силу разных причин нам многое неясно в том, какими критериями пользовались Зенодот, Аристофан и Аристарх, устанавливая правильный текст Илиады и Одиссеи. Можно с уверенностью сказать, что выбор чтения не всегда основывался исключительно на содержании или грамматических представлениях. Здесь предпринята попытка показать, что среди второстепенных, но существенных факторов была и элизия. Точнее, стремление несколько уменьшить число элизий в гомеровском тексте.

2. На протяжении истории гекзаметра количество элизий в нем неуклонно снижалось. У Гомера, по моим подсчетам, встречаются в среднем 73 элизии на 100 строк. В поэмах Гесиода и гомеровых гимнах их частотность несколько уменьшается. В эллинистические времена разброс довольно велик: от 57 у Аполлония и 52 у Феокрита до 46 у Каллимаха и 39 у Никандра[1]. Далее можно выделить архаизирующую (Квинт Смирнский – 66) и новаторскую (Нонн – 10 элизий на сто строк) тенденции, но это уже менее важно для нашей темы. Итак, в поэзии современников, а отчасти и коллег Зенодота, Аристофана и Аристарха было заметно меньше элизий, чем в текстах Гомера.

3. Влияли ли вкусы эпохи на александрийских издателей Гомера? Посмотрим сколько раз Зенодот, Аристофан и Аристарх выбирали чтение с элизией, а сколько раз предпочитали обходится без нее. В таблице собраны данные только по тем вариантам, об авторстве и тексте которых недвусмысленно говорится в схолиях (в данные по Аристарху внесена поправка, необходимость которой я обосную ниже). Кроме того, несколько вариантов, засвидетельствованных 1-2 поздними источниками и, вероятно, неизвестных александрийцам, остались неучтенными.

Наличие элизии	Зенодот	Аристофан	Аристарх
+	23	5	42
–	40	9	67

Из таблицы видно, что александрийцы почти вдвое чаще предпочитают варианты без элизии. Таким образом, предположение о

[1] Конечно, сравнение текстов очень различного объема сопряжено с неточностями. Но здесь тенденция настолько очевидна, что, думается, для краткости можно обойтись и без корректных статистических процедур.

том, что Зенодот, Аристофан и Аристарх шли в русле метрико-просодических предпочтений своего времени, подтверждается. Подобно поэтам-александрийцам, филологи не стремились вовсе избавиться от элизий или даже как-то особенно заметно сократить их число, но при небольшой правке элизия довольно часто уничтожалась. Рассмотрим теперь в отдельности варианты каждого из филологов в поисках систематического подхода к изучаемому явлению.

4. Наши данные о Зенодоте менее надежны, чем сведения об остальных александрийцах, так как даже его последователи, очевидно, не всегда понимали, какими резонами он руководствовался. Тем не менее, среди отобранных мною вариантов просматриваются 2 группы примеров на уничтожение элизии[2]. Во-первых, (1) Зенодот 6 раз предлагает читать слияние вместо элизии: ἐμωυτόν вместо ἔμ᾽ αὐτόν (*A* 271; см. также *B* 225). Иной раз получившееся при слиянии слово выглядит единым и даже получает особое толкование в схолиях. Так, μητιάασθε (*Π* 202, вместо μ᾽ ἠτιάασθε) схолиаст объясняет ἀπὸ τῆς μήτιδος, а вариант δαμνίον (*γ* 444, вместо δ᾽ ἀμνίον) схолии называют гапаксом (см. также *H* 127 и *P* 368). Во-вторых, (2) Зенодот несколько раз удаляет слова, в которых единственный гласный подвергся элизии (назовем их 0-сложными словами). Таковы его варианты в стихах *E* 132, *Λ* 101, *N* 446, *Ξ* 276, *Σ* 364 и *Y* 481. Близки к перечисленным случаи *Θ* 139 и *I* 594, где кроме удаления 0-сложного слова имеется еще и незначительное изменение текста. Важным аргументом против существования этого второго принципа служит наличие контрпримеров: *B* 161, *B* 667, *N* 692 и *N* 609. Итого в этой группе имеется 8 примеров и 4 контрпримера.

Там, где это требовало содержание, Зенодот свободно пользовался элизией. Иногда он даже читает 2 элизии вместо 0 (*B* 156 и *B* 681). Но в обоих этих случаях вариант Зенодота сильно отличается от вульгаты. Так, вместо строки *B* 156 он читает 13 стихов.

5. Вариантов Аристофана мы знаем сравнительно немного, но можно сказать, что и он предпочитает чтения без элизий. Мне удалось найти 14 строк, в которых один из вариантов, отличающихся элизией, приписывается Аристофану. Среди этих чтений –9 лишены элизии, причем в 3 случаях Аристофан идет вслед за Зенодотом. Вероятно, именно так и можно было бы сформулировать подход Аристофана: "вслед за Зенодотом, избавляться от избыточных элизий". Интересно, что чтение, сходное с аристофановым в *T* 96 име

[2] Под "уничтожением элизии" я отнюдь не имею ввиду некий осознанный и интенсивный процесс. Нередко, это – побочный эффект при применении какого-то другого текстологического принципа.

ется у Аполлония (2.855): *μοῖρ᾽ ἔτι ναυτίλλεσθαι ἑκαστέρω* ***ἀλλά νυ καὶ τόν.***

6. Анализ использования элизии в вариантах Аристарха требует некоторого предуведомления. В схолиях к *B* 682 и *B* 751 читаем соответственно: *᾽Ιακῶς τὸ* ***ἐνέμοντο*** *᾽Αρίσταρχος* и *᾽Ιακῶς τὸ* ***νέμοντο*** *᾽Αρίσταρχος*. Ясно, что первую запись следует понимать в противоположном смысле, поскольку мы знаем, что Аристарх был аналогистом и стремился, где возможно, обходиться без аугмента. Однако эта и другие такие же ошибки схолиастов заставляют задаться вопросом: насколько вообще возможно судить о чтениях Аристарха и других александрийцев? Я полагаю, что, хотя неточностей в схолиях немало, их заметно меньше, чем правильных вариантов. В этих условиях можно предложить такую методологию: редко править схолии, но быть готовым к появлению заметного количества исключений. Впрочем, в очевидном случае *B* 682 и нескольких аналогичных я, все же, считал, что Аристарх избавляется от аугмента, и вносил соответствующую поправку в статистику. В менее ясных местах я опирался на засвидетельствованные в схолиях чтения.

Если добавить к моим подсчетам варианты, которые предположительно восходят к Аристарху (скажем, исходя из мнения М. Уэста, "Илиадой" которого я пользовался), то нелюбовь филолога к элизии только подтвердится. Дело в том, что значительную часть этих сомнительных вариантов составляют все те же случаи удаления аугмента. Мне кажется, что приписывать их все Аристарху было бы неосторожным, так как они вполне могут быть позднего происхождения. Так, в схолиях к *B* 35 вместо термина *᾽Ιακῶς* мы обнаруживаем *᾽Ιωνικῶς*, что внушает некоторые подозрения. Вместе с тем, часть таких неаттрибуированных чтений несомненно принадлежат Аристарху.

Итак, переходя к самому знаменитому из александрийских ученых, можно увидеть некоторые закономерности в его выборе небезразличных с точки зрения элизии вариантов. Обнаруживается, что филолог (1) довольно часто удалял аугмент, (2) избавлялся от 0-сложных слов, а также (3) иногда заменял двусложные предлоги с элизией на односложные без нее. Всего в этих трех группах, с учетом поправок, имеется 37 примеров на удаление элизии, а также 7 контрпримеров. В остальном Аристарх проявлял равнодушие к интересующему нас явлению: в других группах строк с элизией и без нее оказалось примерно поровну. Так, в отличие от Зенодота, Аристарх столь же часто заменяет элизию на слияние (*K* 408, *Π* 31, *Ψ* 160, *Ω* 247), как и поступает наоборот (*A* 269, *B* 225, *E* 638, *Σ* 191).

7. Итак, все три александрийских филолога почти вдвое чаще выбирали чтения без элизии (при наличии альтернативных вариан

тов), чем поступали наоборот. Разумеется, элизия была для александрийцев второстепенным текстологическим фактором, но все же, как я полагаю, существенным. Действительно, и у Зенодота, и у Аристарха обнаруживаются случаи, где элизия систематически элиминируется. Оба филолога склонны удалять такие слова, как τ', δ' и пр.; Зенодот предпочитает элизии слияние, а Аристарх удаляет аугмент и заменяет предлоги на схожие без элизии. У всех александрийцев наблюдается тенденция: чем менее значительна правка, тем чаще они удаляют элизии. Когда же варианты приметно различаются по лексике и смыслу, более низкие уровни текста они, очевидно, не принимали в расчет.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Список рассмотренных случаев.

Зенодот *A* 68, 163, 169, 271, 611; *B* 156, 161, 225, 258, 435, 484, 507, 667, 681; *Δ* 139, 339; *E* 53, 132, 329; *Z* 285, 511; *H* 127; *Θ* 139; *I* 14, 564, 594; *Λ* 101, 754, 841; *M* 34, 79, 296, 365; *N* 107, 203, 237, 446, 627, 692, 712; *Ξ* 276, 427, 499; *O* 86; *Π* 202, 666; *P* 368, 292; *Σ* 142, 364, 528, 579, 565; *T* 246, 384; *Y* 481; *X* 216; *Ψ* 527; *β* 81; *γ* 228, 307, 368, 444; δ 70, 370; *ι* 116; *κ* 351; *ξ* 8; *σ* 190.

Аристофан *E* 638, *H* 198, *I* 551, *M* 79, *N* 222, 237, 348, *Ξ* 276, *Σ* 18, *T* 96, 105, *ζ* 297, *θ* 92, *κ* 324, *ρ* 52.

Аристарх *A* 162, 269, 277, 350, 464; *B* 225, 258, 330, 427, 435, 507, 682, 751; *Γ* 10, 415; *Δ* 139, 212, 238, 333, 517; *E* 132, 638, 757, 787, 874; *Z* 157, 250, 265, 475; *H* 73, 110, 214, 272, 353, 359, 452; *Θ* 157, 163, 177, 337; *I* 73, 86, 222, 324, 349, 472, 492, 574, 698; *K* 48, 146, 161, 246, 362, 408, 465, 505; *Λ* 184, 455, 466, 754, 773; *M* 296, 382; *N* 144, 222, 384, 399, 446, 627, 785; *Ξ* 21, 183, 202, 223, 427, 499; *O* 114, 187, 320, 398, 563; *Π* 31, 123, 207 (bis), 488, 548, 775; *P* 279, 392, 637; *Σ* 18, 182, 191, 549; *T* 95; *Y* 195, 255, 259, 359; *Φ* 191, 323, 513, 600; *Ψ* 160, 387, 455, 870-871; *Ω* 247, 331-2, 370, 648, 764; δ 37, 618; *ε* 272; *ζ* 8, 297; *θ* 307, 352; *ι* 333, 492; *κ* 43, 395; *μ* 77, 313; *ν* 19; *ο* 317; *τ* 116, *ω* 118.